

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0055.02.02

Аркадий Змачинский

20 августа 2012

Таре #11

- Итак, значит, когда евреев гнали на работу, они как-то умудрялись заходить к людям.
- Люди, которые ходили на работу, они, идя с работы, заходили к нашим людям и каждый что-то давал, или иногда обменивали на что-то, на какие-то вещи, а иногда и так получали. Вот моя мать, она вот эта которая швея была у нас, она всегда шла от нас, а у нас была корова. Вот мать, я помню, ей давала молоко, там, сметану, потом, картошку давала, она брала, вот. Потом, с мясных она не брала ничего. Вот так вот подкармливали их, как говорится. Вот почему, когда немцы наехали, она ей говорит – останься, нет, пойду, потому что мать там, в гетто, будет переживать. Она не знала, что она пошла уже все, на последнее. Вот так они и жили, от людей брали. А люди наши все имели землю. Мы не голодали в войну, потому что у нас все было свое. Земля своя, значит хлеб свой, картошка своя, крупа своя, все это свое. Корова есть, значит молоко свое, значит все есть, уже голодать не будешь. Так вот они так и питались среди населения. Ну а потом, когда их стали расстреливать, все разрушилось, понимаете. И так многие делали, давали продукты.
- Скажите, пожалуйста, а какую работу, на какую работу они шли?
- Их выгоняли на работу, вот я вам говорил, одни пилили дрова, другие убирали там, у немцев, третьих, в основном, гоняли на железную дорогу и там они пилили рельсы почему-то, такая специальная пила была, рельсы укорачивали там, спаивали, пилили. Вот они занимались этими работами. Ну и по всей... Вот где немцы

их заставляли что-то делать, все тяжелые работы приходилось делать евреям в то время. Хотя они к этому не приспособлены.

- А когда вот они там работали на железной дороге, их, например, там кто-нибудь охранял?
- Нет, их никто не охранял. Почему-то. А там были не охранники, там были командующие, которые говорили вот это надо, вот это, показывали, что сделать и они делали. А конвоиров не было. Вот когда военнопленных водили, потом, когда евреев уничтожили, начали туда военнопленных водить, вот там ходили под конвоем. А евреи не ходили под конвоем. Но они почему-то, вот я ж говорю, и не поубегали, хоть можно было всем убежать. Тогда же гнали партию этих, военнопленных сразу, как пришли. Я смотрю, идет колонна человек триста военнопленных. Спереди два немца, сбору по одному и в конце четыре немца. Вот вам пожалуйста, шесть немцев. Четыре, шесть, восемь немцев. А идет триста человек пленных. А я малыш, стою гляжу на них и думаю – ну вы же все были с оружием, а если даже без оружия, вас триста человек, ну один, два, три погибнет, ну накиньтесь на этих восемь человек, обезоружьте их а сами вот рядом лес и идите в лес. Так нет, видите, вот идут без это, голодные, понимаете, это и все. Кто упал – немцы добьют, последние которые идут. И вот так было.
- А Вы видели как немцы добивали этих военнопленных?
- Ну видел вот прямо выстрелит и все. Они идут, неся винтовки или даже были у них пистольмашины там, автоматы. Идут, идут и между собой болтают. А если кому-нибудь что-нибудь такое, бах, в него выстрелили и дальше пошли. Все.
- А кто потом эти трупы собирал?

- А эти трупы люди уже, кто-нибудь подойдет с лопатой, сначала присыплет немного, а потом уже где-нибудь там сбоку яму выроют, засыпят и заровняют, даже могил нету. И так много, вот в Столбцах много погибло военноп... солдат вот, ведь могилы вы нигде не найдете.
- И много ли военнопленных проходило мимо?
- Очень много даже, очень много. Почему? Потому что это я вам сказал одну партию. А таких партий было много и даже в Столбцах сделали лагерь и тоже было человек триста в лагере. А потом постепенно они через первую зиму, они начали то ли замерзать, то ли, короче весной осталось человек тридцать. Их вывезли в другой где-то лагерь и все, и в Столбцах лагеря не стало.
- - ну а сколько раз Вы видели, чтобы пристреливали?
- Ну это приходилось видеть много раз. Вот этих евреек видел, вот...
- Нет, нет, нет, я имею в виду военнопленных, вот чтобы добивать...
- А, военнопленных, вот только по дорогам, если кто упадет, вот они пристрелят.
- Ну это было больше, чем один раз Вы видели я имею в виду?
- Это раза два я видел, раза два видел. И они лежали присыпанные, пальцы эти видны были из-под песка. Ну а потом люди их вот так вот выкопают яму, это сами уже люди, закопают и все, и на этом конец, и поминай как звали. Вот так было.
- Теперь вернемся к жизни в гетто. Вот к Вам приходили люди из гетто. Вот эти вот, которые дрова пилили и вот эта швея. Кстати, как звали эту швею? Как ее имя было, этой швеи? Швейи этой. Имя ее, как ее звали?
- Кого?
- Эту швею, женщина, которая, мать у которой...

- А, это которая у нас шила, да?
- Да.
- Я, знаете, не знаю. Почему? Потому что она тоже были из приезжих, хотя она меня очень уважала, потому что я был, сам сделал себе сумку в школу ходить, и она удивлялась, как это я мог так сделать хорошо сумку. Звали ее Мая, Мая, Мая. Мая или Маня, чего-то я уже и не помню. А эти самые. А вот этих три еврейки, одну звали Хая, вторую звали, как там, ой... Мелиса или Мелиса, что-то такое, ну а третью не помню.
- А мужиков.
- А?
- А мужчин вот этих.
- Ну а мужчин я не знаю. Почему? Потому что я с ними мало общался. Они с... Вот мать моя когда была жива, вот она бы вам много сказала, но она давно уже умерла.
- А могли бы Вы припомнить какие-нибудь их рассказы о гетто. Они что-нибудь рассказывали о жизни в гетто?
- Эти евреи?
- Да.
- Вы знаете что, они ничего не рассказывали. Почему, даже вот эта приходила, и тоже придет. Она такая, знаете ли, была закрытой такой, понимаете. Вот придет мать ей, поговорит что-нибудь с ней, скажет то-то и то-то, она – хорошо, так, так. Сядет там, делает, потом мать ее покормит, она дальше шьет что-нибудь. С собой принесет что-нибудь шить. И нам там матери говорит, может, вам что надо, та ей тоже что-нибудь покажет. Вот так. Но особо разговоров там, что-нибудь, рассказов не было. Я вот не помню таких рассказов. Какую-нибудь басню или что-нибудь чтоб

рассказывали, ничего не говорили. Правда только она один раз сказала, говорит, да, говорит, это ужас что творится, докуда это будет твориться. Вот е слова я помню. А больше ничего такого.

- То есть – докуда это будет твориться.
- Будет твориться. Это я помню. Но это простые слова, так, ни к чему. А так чтоб рассказывали, что там их били или что-нибудь – такого ничего не рассказывали. Но оно и так ясно, что им там было не сладко.
- Могли бы Вы так, ну, примерно, прикинуть, все-таки первоначально, когда всех евреев загнали в гетто, первоначально, сколько их там могло быть?
- А их было много. Это целый квартал, и в этом квартале были дома целые, загружены полностью, они, их же в гетто как поселяли, не... вот допустим, семья пять-шесть человек в маленькую комнатушку, вот все, всю семью. А они там даже спят, некоторые на полу спали, потому что кроватей даже не было.
- А это откуда Вы знаете?
- Об этом... ну эта... ну она так это иногда скажет. Ну это знаете так мимо, мимо, маленькие рассказы. Не маленькие, а просто, как вам сказать, ну слышал, просто слышал.
- Так примерно могло быть, ну сколько – триста, пятьсот, тысячи?
- Не, их было тысячи три.
- Тысячи три?
- Да. Ну вот возьмите, 40% населения, в то время было 40% евреев, потом наехали беженцы, ну 50% пускай, так, 50%. Население было восемь миллионов, так это ж выходит, а половина – это четыре миллиона.
- Нет, ну не миллиона, какие миллионы?

- Минуточку, четыре миллиона.
- Тысячи, тысячи может?
- А вот интересно там. А-а-а... Ну так правильно, так и есть. Часть большую отправили на Барановичи, мы не знаем, где они делись, вот. Потом первый раз расстреляли много, очень много. Второй раз остальных стреляли – тоже много, возили целый день. Так что, ну там написано на этой стеле, на этой яме, по моему триста... три миллиона там, по-моему, написано.
- Ну только не миллиона. Миллиона это в Минске, может, три миллиона. Ясно, ага, хорошо...
- А, может не миллиона, может тысячи. Три с половиной тысячи, видимо, было.
- Может быть, еще что-нибудь помните, что вот о гетто рассказывали они или как там чего, детали может какие или как.
- Детали вот такие могут быть, детали, вот. Ну вот я вам начал говорить и думал не говорить на счет вот этих. Пришел значит, молодой такой еврей, я его помню хорошо, в клетчатом пальто, ну осень была, и говорит, хозяйка, на мать мою говорит, я знаю что закопано золото. А мать моя говорит: так ты бы, чудак, принес бы, а то так кто его знает, где оно будет, а так бы ты ж фамилию нашу знаешь, вернешься, а они собирались тогда уходить, мать уже знала, а ты вернешься, по фамилии нас найдешь. Где мы будем, не знаем, после войны где придется быть, но по фамилии найдешь и отдадим тебе. Моя мать была очень честная, понимаете. Она даже мне иногда, если я что на улице подниму, она – занеси на место положи, это не твое. Она такая была, вот. Так она, конечно, она отдала бы все, ну, сохранили бы. Но он потом, на второй день, вернее, да, на второй день они принесли одежду, положили на чердаке, а ночью

ушли и никаких ни этих. Видимо, передумал, может быть. А потом гетто, когда уже евреев не было, уже сняли ограду, тогда люди ходили со штырями и все искали, вот. И я даже шел однажды и вижу, человек что-то ощупал, начал раскапывать, а там ящик вот такой вот а в ящике мыло хозяйственное. Я видел. Но мне ж он не даст, конечно, вот.

- Ну а бывало, что находили какой-нибудь...
- Ну так много их ходило со штырями, так что я ж, откуда я могу знать, что они там находили. Они ж не расскажут. Хвалиться никто ни, знаете, народ такой, что и найдет, так спрячет. Вот такое дело было.
- Я теперь хотела бы немножко вернуться в польское время еще, до 39-го года. Было ли какое-нибудь ущемление евреев со стороны польской власти.
- Ну вот я же вам говорю, что после этого «бунд», организации этой «бунд», называлась организация. Им, значит, из гимназии их выгнали, первое что – это выбросили из гимназии гимназистов евреев. Вот это же тоже что-то значит. Потом, не купай у жида, значит не покупай у еврея, это были плакаты. Но люди все равно покупали, мы же жили с евреями рука в руку, как говорится, покупали. Евреи жили. Потом, что еще было. Ну больше так ничего не было. Вот только это.
- А вот...
- Маленькое потиснение, как мы называем, а все-таки потиснение.
- Ясно, а до «бунда» было притеснение?
- Не было. До «бунда» все торговали полным ходом. Мало, что были ларьки и магазины, так еще на базаре так многие еврейки бочки с селедками, вот привезут две, три, четыре бочки и по штукам, там,

пять копеек селедка, я помню, стоила, пять грошей. И вот пожалуйста, десять селедок на этом пятьдесят грошей стоит. Вот тебе, придешь, некоторые из деревень приедут на кирмаш, а тут уже к еврейкам этим селедки, с сбаном, подойдет с сбаном, а та уже в сбанок так считает, сколько селедок вкинет. Торговля шла полным ходом. Полным ходом.

- И как экономическая ситуация переменялась в 39-м году?
- А в 39-м году, когда пришла советская армия, освободили, называется, евреи открыли магазины сразу, свои. И даже советские войска, солдаты, забегали в магазин и покупали что-нибудь к сувенирам своим женам.
- Какие магазины они открыли, у них же были магазины?
- Бакалейные, эти самые, трикотажные, там ну всякие, какие были магазины, евреи открыли.
- А у евреев разве не было магазинов до 39-го года? Я не понимаю.
- Все время были, до 39-го года.
- Ну а Вы говорите, в 39-м они открыли магазины.
- В 39-м году, когда пришли Советы, в этот день магазины были закрыты, пришла другая армия, вот. Но евреи открыли потом.
- А, я поняла. То есть все магазины были закрыты, кроме еврейских.
- Да, все вообще были закрыты. Но евреи начали открывать, у них же товар лежит, хотели чтоб сбыть немного, вот. И вот солдаты советские бегали покупали. Ия вам сейчас одну вещь скажу. Покупали эти самые, вещи, вот, но потом, к вечеру, вышел приказ. Уже комендант появился, комендант, которого уже {непонятно} забрали и появился приказ – частная торговля запрещена. Эксплуатация человека человеком запрещается. Вот такие лозунги. И вот тогда евреи закрыли магазины. И начали прятать, тот товар,

который не продали, начали прятать. И это уже постепенно, можно было купить, но, как говорится, из-под полы, то есть тишком, по секрету, вот. А этот, что-то я хотел вам сказать. А. А вот наше это вот приезжее начальство уже, кроме солдат уже, ну появилось начальство: прокуроры там, исполкомы всякие, все понаехало с Советского Союза. Они тоже бросились в эти, еще когда магазины открыли евреи, тоже накупали там женам ночные рубашки, они были красивые, там с кружевами, со всем, понимаете, красивые рубашки. А потом оркестр духовой заиграл, понимаете, а они эти их жены пришли в ночных рубашках. И мы, наши люди, стали смеяться, что это такое, в ночных рубашках пришли на танцы. Они не знали, что это ночные, они думали что это такие платья. Вот это такое было при Польше. И при Советской власти тогда, 39, 40, 41 год. А вот в 41-м году, когда уже немцы наступали, наши удирали без остановки и в Столбцах боя почти не было. Потому что немцы пришли, танк стоял, взяли, из пушки выстрелили, танк загорелся, они подошли, толкнули его под откос, он перевернулся и все, и зашли туда и стали бить по городу. Город стал гореть. Все эти же улицы, все дотла были спалены, потому что в основном дома были деревянные. Они все были спалены.

- А вот когда началась война в 41-м году, 22-го началась война, а к вам они пришли немцы 26-го?
- 7-го.
- 27-го. За этот период евреи пытались отсюда убежать?
- Некоторые уезжали, уезжали. Но не много уехало почему-то.
- А вот, вернемся опять в 39-й год, уже когда, значит, началась вот эта вот Вторая Мировая, да. Германия напала на Польшу, потом на Советский Союз. Была ли какая-нибудь миграция, то есть, переселение, так сказать, народов?

- Я вас понял. Вот. Было, поляки, ну сами поляки, стали уезжать. Уезжать на поморье, Гдыня, Гданьск их со Столбцов много уехало. Потом Жепин польский город, потом еще, еще там какие-то города, и не только поляки, а и наши белорусы начали съезжать. Почему? Потому что в 39-м году, когда пришли, в 40-м году начали вывозить людей в Сибирь. Учителей вывезли, лесников вывезли, жен офицеров польских вывезли, всех повывозили в Сибирь. Люди боялись. Поэтому, кто остался, не успел, кого не взяли, тот убежал в Польшу. Вот почему началась вот эта миграция. Ну а когда немец наступал сюда, евреи оттуда убегали сюда. А потом когда немцы пришли сюда, часть, кто мог удрать, удрал дальше, а кто не смог остались здесь. Вот они и погибли, кто не ушел в партизаны.
- Я понимаю. Скажите, пожалуйста, вот этих приезжих, беженцев, евреев, ну я так грубо сейчас скажу, было много или немного или сколько их было?
- Их было многовато, вот. Тогда же город не был сожжен, значит, жилья хватало, евреи тоже жили в своих домах. А у евреев дома были все хорошие, просторные. Поэтому они и приютили этих беженцев своих же. Еврей же он такой человек – еврей евреям всегда поможет, понимаете. Вот они их приютили. Ну а потом уж, когда немцы пришли, то уже судьба, как говорится, всех одинаково.
- А Вы еще говорили, что в 39-м году или в 40-м, ну намек такой был, что было какое-то разделение мнений. Я так понимаю, политический какой-то момент. Одни за одних там, другие за тех. Как Вы могли объяснить, что Вы имели в виду?
- Я вам скажу вот что. Мы находились под Польшей. Под Польшей все жили неплохо. Каждый человек имел, ну, землю человек имеет – ему работа не нужна, он пашет, выращивает урожай, он живет с этого, скот держит и так далее. Люди заняты, это земля считалась

собственная. А раз собственная, человек ее старался обработать все как надо и с этого жили люди. Евреи торговали, тоже хорошо жили. И даже в последнее время начали и наши люди, вот моя мать хотела торговать. Начали от них уже практиковать это дело. Короче, жили хорошо. Пришли в 39-м году Советы. Все. То нельзя, то нельзя, то нельзя, то нельзя. И все пошло... люди стали некоторые даже бедными. А при Польше было еще так – если ты бедный, был магистрат, в магистрате вели учет семей бедных и вот этот Павел, мой тесть, был зам. бурмистра при Польше и в его функции входило обеспечить бедные семьи людей. И вот они что делали. Получали из казны определенную сумму денег, закупали продукты, они не давали деньгами, потому что деньги пропьют или еще что-нибудь, они только продуктами, закупали продукты, потом в магистрате построили столовую и так дети бедных семей шли из школы в столовую, получали бесплатно обеды. А семьи, сами семьи, по пятницам получали в магистрате продовольствие. Что было в продовольствии, я видел сам, сало, мясо, масло, крупа, мука... крупа, мука, ну и вроде все кажется. Получали на неделю. Ну в зависимости от семьи, кто больше, кто меньше, там уже паек какой-то был на семью. Так что бедные люди не голодали. А вот когда пришли уже Советы в 39-м году, уже тут бедные семьи попали впросак. Уже столовой н стало, организации этой выделять продукты не стали. Стали организовывать колхозы. Ну а в колхозах вы знаете плата какая была – палочка, палочка, а есть что? Палочку не укусишь. А потом осенью дают, на трудодень дают паек, то есть зарплату.

- Но вы все равно мне не сказали, почему, в чем разделение мнений было. Что одни были за тех, другие за тех.
- Не понял. А за тех, за тех.

- Одни были за такую власть, другие за такую.
- Так вот наши люди, наши люди, очень... Сначала, когда шли советские войска на них бросали на танки цветы. А потом когда вывозы начались, да все такое, да нельзя, да {непонятно}. Вот мой отец нанимал соседа пахать поле, а то уже нельзя нанять пахать поле, вот такие вещи, люди стали недовольны.
- А были такие, которые все-таки были за Советскую власть?
- Что-что?
- За Советскую власть кто-то был все-таки?
- Были люди, которые не понимали, не знали еще, что такое Советская власть. Вот у нас был сосед, Микоша. Вот он лодырь был, работать не хотел. Все хозяйство, у них земля была, скот – но все забросили. Их было четверо детей, мать больная. А он ходил, была такая в Западной Беларуси организация – Коммунистическая партия Западной Беларуси. И вот они, и он был в этой организации. Ходил, рассказывал, там, в Советском Союзе, живется хорошо, все-такое, ну поляки, естественно, взяли, арестовали. Дали ему не знаю сколько лет тюрьмы за эту агитацию. И он пробыл некоторое время, несколько лет, и его отпустили на неделю домой, чтобы посмотреть хозяйство, все такое, как бы в отпуск, с тюрьмы {название непонятно}. Он приехал на неделю, побыл тут, я его видел. Он еще говорил, вот то не так, вот в Советском Союзе лучше, а то у нас не так, а там лучше живут люди. Ну ему надо было через неделю вернуться назад в тюрьму добывать свой срок и он не поехал а удрав в Прусиново. Деревня есть на границе Прусиново. И там ему удалось перейти границу. Он перешел границу в Советский Союз. А потом мы не знали, пропал человек. А когда уже война кончилась, то есть во время оккупации, оттуда женщина, из Дзержинска, была

здесь, покупала зерно. У нас зерно было, свои земли, а там же не было. И говорит, вот ваши тут со Столбцов такие, такие-то погибли и расстреляны в Дзержинске и назвала Микошу Станислава. Значит, он расстрелян в Дзержинске. Он же коммунист, и он же его же и расстреляли. А судила его тройка и осудили как шпиона, все, и расстреляли.

- Один дополнительный момент. Когда мы с Вами, я у Вас спрашивала о цифре, сколько могло быть евреев в гетто, Вы сказали четыре, но Вы сказали миллиона, может быть это, Вы не то хотели сказать?
- Нет, я сделал большую ошибку, здесь не миллионы, а тысячи. Четыре тысячи евреев было, вот. И их в могиле похоронено три тысячи. А остальные были вывезены. Так что я немножко тут переборщил.
- Спасибо Вам большое.
- Пожалуйста. Я не понял, что у нас же всего десять миллионов население Беларуси, даже уже не десять, а девять.